e-ISSN 3060-5059
DOI: 10.67227

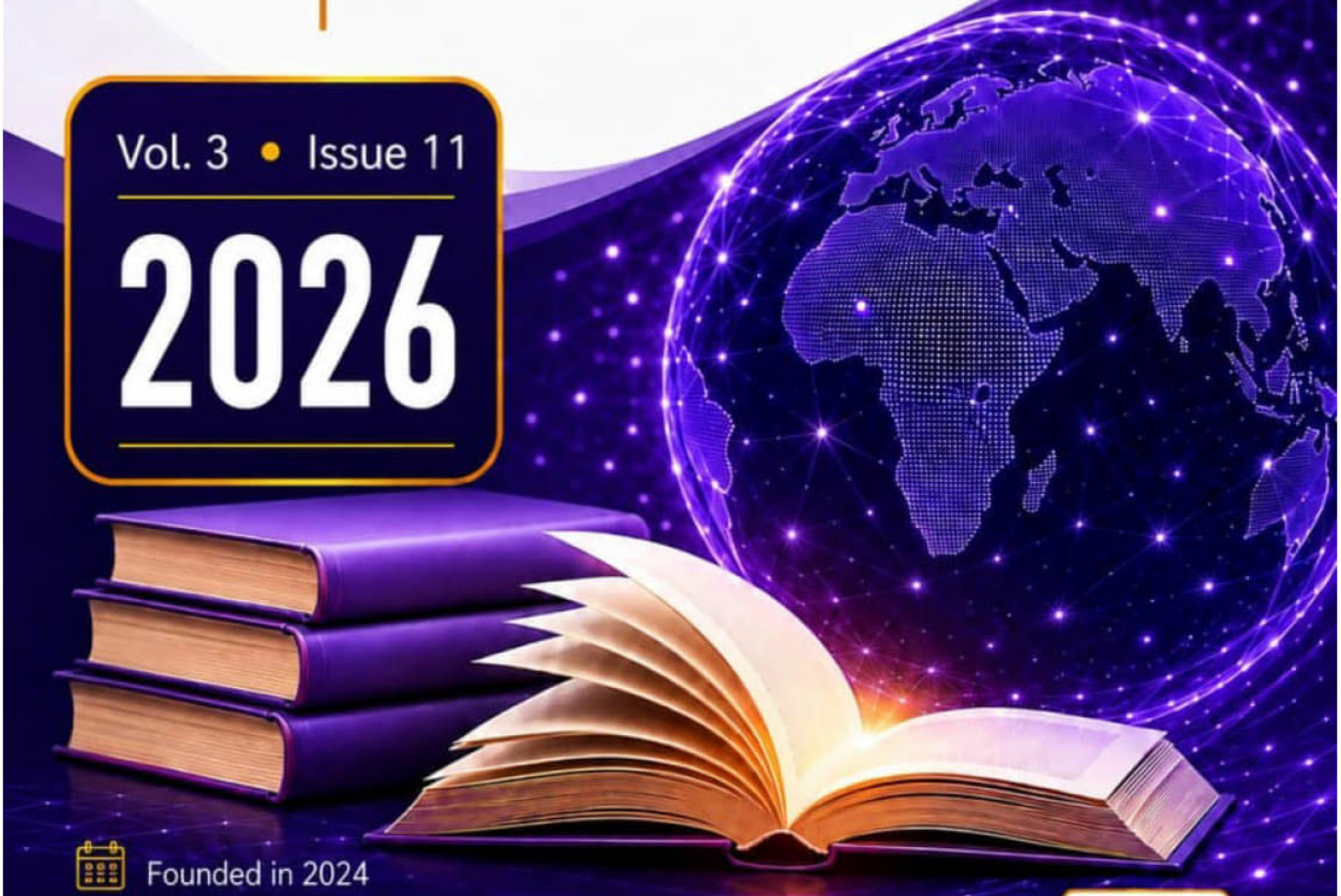
IJTIMOIY-GUMANITAR SOHADA ILMIY-INNOVATSION TADQIQOTLAR

ILMIY METODIK JURNAL

Scientific and Innovative Research in Social and Humanitarian Studies

Vol. 3 • Issue 11

2026

Founded in 2024

publishscience.uz | publish_science_journal@mail.ru

PEER REVIEWED • OPEN ACCESS

ISSN 3060-5059 (Online)
Article / Original paper https://doi.org/10.67227/ws3nk669

O‘ZBEK TILIDAN RUS TILIGA BADIIY MATNLARNI TARJIMA QILISH JARAYONIDA ELEKTRON KORPUSLARDAN FOYDALANISHNING O‘RNI VA IMKONIYATLARI (G‘AFUR G‘ULOMNING “SHUM BOLA” QISSASI MISOLIDA)

Fayziyeva Safiya Alisherovna
Buxoro davlat pedagogika instituti, o‘qituvchi.
e-mail: safiyafayziyeva5@gmail.com **ORCID**: https://orcid.org/0009-0009-5997-7653

Annotatsiya.
Maqolada o‘zbek badiiy nasrini rus tiliga tarjima qilishda elektron korpuslardan foydalanishning nazariy asoslari va amaliy imkoniyatlari ko‘rib chiqiladi. G‘afur G‘ulomning “Shum bola” qissasidan olingan parallel tanlanma asosida milliy-madaniy xususiyatga ega 90 ta birlikning tarjimada berilish usullari tasniflanadi hamda korpus tekislashi yordamida aniqlanadigan tarjima qarorlari ko‘rsatib beriladi.

Kalit so‘zlar: elektron korpus, parallel korpus, badiiy tarjima, realiya, tarjima usuli, tekislash, chastotali tahlil, G‘afur G‘ulom, “Shum bola”.

РОЛЬ И ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ КОРПУСОВ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ С УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ ГАФУРА ГУЛЯМА «ОЗОРНИК»)

Файзиева Сафия Алишеровна
Бухарский государственный педагогический институт, преподаватель.

Аннотация.
В статье рассматриваются теоретические основы и практические возможности использования электронных корпусов при переводе узбекской художественной прозы на русский язык. На основе параллельной выборки из повести Гафура Гуляма «Озорник» классифицируются способы передачи 90 национально-культурно маркированных единиц, а также рассматриваются переводческие решения, выявляемые посредством выравнивания параллельных текстов в корпусе.

Ключевые слова: электронный корпус, параллельный корпус, художественный перевод, реалия, способ перевода, выравнивание, частотный анализ, Гафур Гулям, «Озорник».

THE ROLE AND POTENTIAL OF ELECTRONIC CORPORA IN TRANSLATING LITERARY TEXTS FROM UZBEK INTO RUSSIAN (A CASE STUDY OF G‘AFUR G‘ULOM’S NOVELLA “SHUM BOLA”)

Fayziyeva Safiya Alisherovna
Bukhara State Pedagogical Institute, Lecturer.

Abstract.
The article examines the theoretical foundations and practical potential of using electronic corpora in translating Uzbek literary prose into Russian. Based on a parallel sample drawn from G‘afur G‘ulom’s novella Shum Bola (The Mischievous Boy), the study classifies the translation strategies employed to render 90 culturally specific lexical units and identifies translation decisions that can be revealed through corpus-based alignment of parallel texts.

Keywords: electronic corpus, parallel corpus, literary translation, culture-specific realia, translation strategy, alignment, frequency analysis, G‘afur G‘ulom, Shum Bola.

Введение. Перевод узбекской художественной прозы на русский язык накопил за минувшее столетие богатый опыт, однако этот опыт по-прежнему описывается главным образом через отдельные примеры, отобранные исследователем вручную. Такой подход хорошо показывает мастерство переводчика в конкретном месте текста, но почти ничего не говорит о системе его решений. Насколько последовательно передана та или иная реалия на протяжении всей книги? Как соотносятся в переводе транскрипция и описание? В каких случаях переводчик добавляет национальный колорит, которого нет в подлиннике? Ответить на эти вопросы можно лишь при сплошном анализе текста с количественным подсчётом, то есть с помощью корпусных методов.

Повесть Гафура Гуляма «Шум бола», известная русскому читателю под названием «Озорник», представляет собой исключительно удобный материал для такой проверки. Работу над ней писатель начал в 1936 г., и текст насыщен бытовой, социальной и религиозной лексикой Ташкента начала XX века. Повествование ведётся от лица подростка, поэтому авторская речь пронизана разговорными формулами, клятвами, бранью и обращениями. Русскому читателю повесть известна в двух переводах. Перевод Ф. Шайхутдиновой вышел в издательстве «Детская литература» в 1973 г., перевод А. Наумова издан в Ташкенте в 1983 г. и переиздан в сборнике «Озорник» серии «Библиотека юношества» (Москва, «Молодая гвардия», 1984). Существование двух

ISSN 3060-5059 (Online)

переводов одного текста делает повесть естественным кандидатом для поливариантного корпусного сопоставления.

Ресурсная база узбекско-русской языковой пары между тем остаётся скромной. Параллельные модули Национального корпуса русского языка (НКРЯ) создавались прежде всего для европейских языков, и в перечне двуязычных корпусов, приведённом Д. В. Сичинавой, узбекский язык не значится [8, с. 194]. За прошедшее десятилетие положение принципиально не изменилось. По данным А. Вохидова, к апрелю 2024 г. параллельный корпус НКРЯ насчитывал 31 двуязычную пару и около 163 млн словоупотреблений, но русско-узбекской пары среди них нет, а узбекско-русские собрания текстов существуют лишь в виде экспериментальных проектов [2, с. 52–53]. Л. Х. Нигматова, обсуждая дидактические возможности параллельных корпусов, также отмечает, что узбекско-русский параллельный корпус находится на начальной стадии разработки [7, с. 103–108].

Цель статьи заключается в теоретическом обосновании роли электронных корпусов на разных этапах перевода художественного текста с узбекского языка на русский и демонстрации их возможностей на материале повести «Шум бола». Задачи исследования вытекают из этой цели. Требуется систематизировать типы корпусов, значимые для переводчика, и соотнести каждый тип с определённым этапом работы; построить частотный профиль культурно маркированной лексики подлинника; классифицировать на параллельной выборке способы передачи таких единиц в русском тексте; наконец, выявить переводческие решения, которые обнаруживаются только при сплошном выравнивании. Новизна работы определяется тем, что русский текст повести впервые рассматривается с опорой на количественные данные электронного корпуса оригинала и выровненную параллельную выборку, а не на иллюстративный подбор примеров.

АНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

Начало корпусного переводоведения принято отсчитывать от статьи М. Бейкер 1993 г. Исследовательница предложила рассматривать переводной текст как самостоятельный объект и искать в нём черты, типичные именно для перевода и не объяснимые влиянием конкретной пары языков [9, p. 243]. К таким чертам она относила экспликацию, упрощение, избегание повторов и ряд других явлений, причём формулировала их как гипотезы, проверку которых следовало проводить на больших массивах текстов [9, p. 247]. Корпус, таким образом, перестал быть справочным подспорьем и стал инструментом проверки теоретических положений.

Методологический аппарат направления систематизирован в книге М. Олохан. В ней разграничены параллельные корпуса, объединяющие оригиналы с переводами, и сопоставимые корпуса, в которых переводные тексты соотносятся с непереводными текстами того же языка; описаны также принципы проектирования корпуса, средства выравнивания и конкордансного поиска [12]. М. Михайлов и Р. Купер подробно рассматривают составление параллельного корпуса, процедуры поиска в нём и его применение к изучению стратегий переводчика, к дискуссии о буквальном и вольном переводе, к проблеме индивидуального стиля [11]. Для русистики особое значение имеют исследования Д. О. Добровольского. На материале немецко-русского модуля НКРЯ он показал, что параллельный корпус выявляет реальный набор переводных соответствий культурно-специфичной лексики, обычно более широкий и разнообразный, чем тот, который фиксируют двуязычные словари [5, с. 383–401]. Д. В. Сичинава, характеризуя развитие параллельных корпусов НКРЯ, описывает поливариантный русско-французский корпус, в котором для части текстов собрано до четырёх вариантов перевода [8, с. 194].

Для классификации собственно переводческих решений необходима теория передачи реалий. С. Влахов и С. Флорин определяют реалии как слова и словосочетания, называющие объекты, характерные для жизни одного народа и чуждые другому. Такие единицы передают национальный или исторический колорит и, как правило, лишены точных соответствий в других языках [1, с. 47]. Способы их передачи авторы делят на две большие группы. Первую составляет транскрипция, вторую — перевод, внутри которого выделяются неологизмы (кальки и полукальки), приблизительный перевод (родо-видовая замена, функциональный аналог, описание) и контекстуальный перевод [1]. В. Н. Комиссаров рассматривает подобные приёмы как преобразования, позволяющие перейти от единиц оригинала к единицам перевода с сохранением смысла [6, с. 135], и относит к лексическим приёмам транскрибирование и транслитерацию, калькирование, а также лексико-семантические замены (конкретизацию, генерализацию, модуляцию) [6]. В узбекском переводоведении проблема национального своеобразия переводимого текста разрабатывалась Г. Саломовым, в трудах которого верность подлиннику понимается как сохранение не только смысла, но и этнокультурной окраски произведения [13].

Обзор обнаруживает определённую асимметрию. Теория реалий в отечественной традиции разработана детально, корпусная методология хорошо описана на материале европейских языков, однако их соединение применительно к узбекско-русскому художественному переводу пока остаётся задачей. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел хотя бы на материале одного текста.

Материалом исследования послужили узбекский текст повести по изданию 2018 г. [10] и электронные версии русского перевода, находящиеся в открытом доступе. Портал LitLife содержит полный текст перевода [3], портал Ziyouz.uz публикует хрестоматийный отрывок, который включает начало первой части и эпизод с Сарыбаем [4]. Поскольку в отрывке встречаются сокращения, выводы об опущениях в этом фрагменте формулируются с соответствующей осторожностью.

Исследование включало три процедуры. Сначала был построен одноязычный корпус оригинала. Текст повести (с. 3–152 издания) извлечён из PDF-файла, разные графические варианты апострофа в буквах o‘, g‘ и в

ISSN 3060-5059 (Online)

разделительном знаке приведены к единому написанию, восстановлены слова, разорванные переносом. Объём корпуса составил 35 328 словоупотреблений, число различных словоформ — 11 955. Узбекский язык относится к агглютинативным, поэтому поиск вёлся по основам с допустимыми цепочками аффиксов, а ложные совпадения исключались вручную. Так, из подсчёта исключено имя персонажа Hoji bobo, которое иначе исказило бы частотность титула hoji.

Затем была сформирована параллельная выборка из двух фрагментов: начала первой части (с. 3–7) и эпизода с Сарыбаем (с. 63–70). Выборка составила около 2,8 тыс. словоупотреблений оригинала и сопоставимый объём перевода; фрагменты выровнены с русским текстом по предложениям. Наконец, в выборке выделено 90 культурно маркированных единиц (реалии, обращения, фразеологизмы, междометия, бранные и клятвенные формулы), и каждая отнесена к одному из восьми способов передачи. Классификация опирается на типологии С. Влахова, С. Флорина и В. Н. Комиссарова и включает транскрипцию, кальку, описательный перевод, функциональный аналог, генерализацию, фразеологическое соответствие, нейтрализацию или опущение, а также смысловой сдвиг с добавлением.

Обработка текстов выполнена с помощью собственных скриптов на языке Python по принципу конкорданса «ключевое слово в контексте» (KWIC); те же операции воспроизводимы в общедоступных программах AntConc и Sketch Engine. При поиске литературы, обработке данных и подготовке текста статьи использовались инструменты искусственного интеллекта; полученные результаты проверены автором, который несёт за них ответственность.

ОБСУЖДЕНИЕ

Роль корпуса в переводе художественного текста целесообразно рассматривать не как одну функцию, а как совокупность задач, распределённых по этапам работы переводчика. Каждому этапу соответствует свой тип корпуса, и это соответствие, на наш взгляд, образует теоретическое ядро корпусно-ориентированного перевода. Выделим четыре таких этапа.

Первый этап — предпереводческий анализ — опирается на одноязычный корпус исходного текста или, шире, языка оригинала. Частотный список позволяет до начала работы увидеть, какие пласты культурной лексики несут смысловую нагрузку всей книги, а какие появляются эпизодически. Для «Шум бола» это различие принципиально. Слово bozor встречается в повести 138 раз, eshon — 67 раз, domla — 60 раз, тогда как choyxona, с описания которой повесть начинается, — лишь 7 раз (подробнее см. табл. 1). Высокочастотная реалия требует единого, заранее выбранного соответствия, потому что любое колебание переводчика повторится десятки раз. Единичная реалия допускает и описание, и генерализацию без ущерба для целого.

Корпус оригинала полезен и при толковании трудных мест. Конкорданс показывает, что слово innaykeyin употреблено в повести 12 раз, причём одиннадцать употреблений сосредоточены на с. 65–67, в эпизоде с Сарыбаем [10, с. 65–67]. Единственный более ранний пример [10, с. 12] имеет обычное служебное значение «к тому же, и ещё». Становится очевидно, что в эпизоде автор превращает слово в речевую маску персонажа, и переводчику следует передавать его как повторяющийся сигнал, а не как связку. Русский текст воспроизводит это решение и закрепляет за вопросом бая постоянную формулу «А что дальше?» [4].

Второй этап — поиск соответствия — связан прежде всего с референтным корпусом языка перевода, для русского языка — это НКРЯ. Переводчику важно знать не только то, зафиксирован ли тюркизм словарём, но и насколько он освоен русской прозой, в каких контекстах и с какими определениями употребляется. Такие слова, как «чайхана», «пиала», «арба», «кетмень», давно используются в русских текстах о Средней Азии и могут оставаться в переводе без пояснений. «Курпача», «чилим», «кавуши», «буз» встречаются значительно реже, и решение об их транскрипции должно сопровождаться выбором способа раскрытия значения (через контекст, внутритекстовое пояснение или сноску). Референтный корпус помогает и при выборе функционального аналога, поскольку показывает, сохраняет ли русское слово нужную историческую окраску. Аналоги вроде «городская управа» или «семилинейная лампа» принадлежат русской бытовой лексике начала XX века и потому работают в «Озорнике» убедительнее нейтральных современных слов, а корпус позволяет проверить эту принадлежность документально.

Особое место среди корпусных ресурсов занимает сопоставимый корпус, объединяющий русские переводы узбекской прозы и оригинальную русскую прозу о Средней Азии. Такой корпус позволяет проверить на узбекско-русском материале гипотезы М. Бейкер о чертах, присущих переводному тексту [9, p. 243]. Можно, например, сравнить плотность тюркизмов в переводах и в оригинальных русских текстах сходной тематики, долю внутритекстовых пояснений, частотность обращений восточного типа. Если окажется, что переводы насыщены экзотизмами сильнее, чем оригинальная русская проза о том же регионе, это будет свидетельствовать об особой норме, сложившейся в переводческой практике, а не только об индивидуальной манере отдельного переводчика. Данные табл. 3, согласно которым переводчик почти вдвое увеличивает число обращений, показывают, что подобная проверка имеет под собой реальные основания.

Третий этап — редактирование и контроль последовательности — требует параллельного корпуса, в котором оригинал выровнен с переводом. Здесь корпус обращён уже к черновику самого переводчика. Выравнивание обнаруживает расхождения, которые при последовательном чтении легко пропустить. В доступных электронных версиях русского текста слово boyvachcha передано то транскрипцией «байвачча», то вариантом «байвача», то описательно («байские сыновья») [3; 4]. Имя дочери бая в реплике героя дано как «Адаль-опа», а в ответе бая — как «Адаль-апа» [4], хотя в оригинале обе реплики содержат одну и ту же форму Adol opa [10, с. 69]. Подобные колебания невелики, но они нарушают устойчивость облика реалии, на которую

ISSN 3060-5059 (Online)

опирается читатель. Вариативность затрагивает и номинации персонажей. Старик uzumchi, то есть виноградарь, который переправляет героя через реку [10, с. 63], назван в русском тексте сначала «старым дехканином», а через несколько предложений — «старым виноградарем» [4]. В сплошном конкордансе такие пары соответствий видны сразу, тогда как при чтении они воспринимаются как стилистическое разнообразие.

Параллельный корпус выявляет и числовые расхождения. В оригинале батраку обещана плата ikki pud o‘n yetti qadoq [10, с. 64], то есть два пуда семнадцать кадаков, а в русском тексте говорится о двух пудах и семи фунтах [4]. В конце эпизода герой отработал у бая bir oy-u o‘n to‘qqiz kun [10, с. 70], в переводе же назван срок «месяц и девять дней». Оба расхождения устроены одинаково: в каждом утрачен десяток (o‘n). Связаны ли они с самим переводом или с подготовкой хрестоматийной версии, по одному отрывку судить нельзя, однако без выравнивания эта закономерность осталась бы незамеченной.

Четвёртый этап охватывает критику перевода, сопоставление переводов и подготовку переводчиков. Наиболее продуктивен здесь поливариантный параллельный корпус, объединяющий оригинал с несколькими переводами. Опыт НКРЯ, где для части русско-французских текстов собрано до четырёх переводных вариантов [8, с. 194], подтверждает техническую осуществимость такой архитектуры. Для «Шум бола» подобный корпус мог бы объединить переводы 1973 и 1983 гг. и отделить индивидуальные решения переводчика от решений, продиктованных самой парой языков. В учебной аудитории тот же ресурс превращает сравнение переводов из иллюстрации в исследовательскую задачу. Студент работает не с готовым примером, а с полным списком соответствий и самостоятельно выявляет закономерность, что согласуется с дидактическими выводами Л. Х. Нигматовой о параллельных корпусах [7, с. 103–108].

Предложенная схема согласуется с исходной программой М. Бейкер, но смещает её акцент. Для М. Бейкер корпус служил прежде всего средством описания переводного языка как такового [9, p. 243]. Для узбекско-русской пары на первый план выходит прикладная функция: корпус призван помочь переводчику принять решение и проверить его последовательность. Такое смещение объясняется состоянием ресурсов. Пока крупного узбекско-русского параллельного корпуса нет [2, с. 53], исследователю приходится строить малые специализированные корпуса под конкретный текст, и художественная проза с её плотностью реалий служит для этого наиболее показательным материалом.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Частотный профиль оригинала представлен в табл. 1. В неё включена 31 культурно маркированная единица, распределённая по пяти разрядам. В сумме эти единицы дают 934 словоупотребления, или 2,64 % корпуса. Иначе говоря, почти каждое тридцать восьмое слово повести принадлежит к этому узкому списку, причём в подсчёт не вошли собственные имена, топонимы и единичные реалии.

Таблица 1

Частотность культурно маркированных единиц в тексте повести “Шум бола”

Единица	**Абсолютная частота**	**На 10 тыс. словоупотреблений**
Социальные роли, титулы, типы		
eshon	67	19,0
domla	60	17,0
xo‘jayin	60	17,0
boy	57	16,1
jinni	30	8,5
mulla	29	8,2
mirshab	27	7,6
bo‘lis	22	6,2
boyvachcha	18	5,1
qori	14	4,0
Быт и материальная культура		
bozor	138	39,1
non	54	15,3
mahalla	28	7,9
osh, palov	21	5,9
arava, aravakash	21	5,9
chilim	14	4,0
choyxona	7	2,0

ko‘rpacha	6	1,7
Религиозно-обрядовая лексика		
Xudo	63	17,8
namoz	36	10,2
machit, masjid	20	5,7
xonaqoh	11	3,1
arvoh	9	2,5
Обращения и термины родства		
aka	31	8,8
uka	16	4,5
dada	13	3,7
Экспрессивная лексика		
hoy	27	7,6
haromi, haromzoda	13	3,7
innaykeyin	12	3,4
padarla’nat	6	1,7
iyya	4	1,1
Всего (31 единица)	**934**	**264,4**

Профиль показывает, что повесть держится на двух опорах, рынке и духовенстве. Слово *bozor* оказывается самым частотным в списке, а титулы *eshon*, *domla*, *mulla*, *qori* вместе с обрядовой лексикой образуют самый плотный тематический блок (309 словоупотреблений). Это соответствует сатирической направленности повести, герой которой проходит через дома ишана, домлы и бая. Для переводчика отсюда следует практический вывод. Именно в этих разрядах единообразие соответствий важнее всего, а любая вариативность наиболее заметна читателю.

Распределение способов передачи в параллельной выборке приведено в табл. 2.

Таблица 2

Способы передачи культурно маркированных единиц в параллельной выборке

Способ передачи	**Пример из выборки**	**Число единиц**	**Доля, %**
Транскрипция (в том числе с пояснением или сноской)	*chilim* → чилим; *uloqchi ot* → лошадь для улака (со сноской)	24	26,7
Функциональный аналог	*chirog‘bon* → фонарщик; *innaykeyin* → “А что дальше?”	21	23,3
Описательный перевод	*to‘riq qashqa* → гнедая с белой отметиной на лбу	12	13,3
Генерализация	*nisholda, obinon, shirmoy non* → разные сладости	10	11,1
Калька	*Juft kaptar* → Пара Голубей	7	7,8
Фразеологическое соответствие	*yetti pushtidan* → до седьмого колена	7	7,8
Нейтрализация, опущение	*Iyya?!* → Что?!; *ona sutidan halol* → опущено	6	6,7
Смысловой сдвиг, добавление	*jip-jinni* → Юродивый из Юродивых; добавлено курпача	3	3,3
Итого		**90**	**100**

Транскрипция занимает первое место, но её доля — около четверти единиц — ниже, чем можно было бы ожидать при такой плотности реалий. Переводчик явно стремится к равновесию. Почти столько же единиц передано функциональными аналогами, причём аналоги нередко взяты из русского бытового словаря той же эпохи. Yettinchi pilikli kerosin chiroq становится семилинейной керосиновой лампой, dumaxona — городской управой, chirog‘bon — фонарщиком [10, с. 7], qadoq — фунтом [10, с. 64]. Так создаётся эффект исторической достоверности без нарочитой экзотизации. При этом транскрипция редко остаётся без поддержки. Две реалии поясняются прямо в тексте (к слову «джинни» добавлено «юродивые», к имени «Сарыбай-булыс» — пояснение «волостной управитель»), три снабжены сносками (пуд, фунт, улак), остальные раскрываются ближайшим

контекстом [3; 4].

Функциональные аналоги неоднородны по степени приближения к русской культуре. Одни из них нейтральны и не нарушают колорита (tozi it передано как «борзая», shiypon — как «беседка» [10, с. 66–67]). Другие явно русифицируют речь персонажей. Предсмертный возглас мальчика dada в рассказе героя передан как «папа» [10, с. 69], формула отклика Labbay — как «Что угодно» [10, с. 4], клятва o'lib ketay agar — как «ей-богу» [10, с. 4]. Последний случай особенно показателен, поскольку узбекская клятва жизнью заменена привычной русской божбой, а этикетная формула одной культуры уступает место формуле другой. Отдельную группу образуют временные ориентиры, заданные в оригинале через время молитв. Сочетание namozgar-namozshom o'rtasi [10, с. 6] развёрнуто в переводе как «после третьей молитвы, что перед заходом солнца», а xufton [10, с. 7] — как «последняя вечерняя молитва». Описательный перевод здесь неизбежен. Для узбекского читателя эти слова прежде всего обозначают время суток, а русскому читателю без пояснения они ничего не скажут.

Генерализация распределена неравномерно. Половина её случаев (5 из 10) приходится на перечислительные ряды, где оригинал называет подряд несколько однородных реалий. Перечень лакомств nisholda, obinon, shirmoy non сведён к сочетанию «разные сладости», названия торговых рядов uzun rasta, juhud rasta, attorlik объединены в «торговые ряды», а жанры maqom, yalla, ashula обозначены как «старинные песни» [10, с. 3]. Корпусный подсчёт уточняет здесь привычный тезис о потерях при переводе реалий. Потери оказываются не случайными: они сосредоточены там, где реалии образуют перечислительный ряд и где русский читатель, по-видимому, не удержал бы длинного перечня незнакомых слов.

Описательный перевод (12 единиц) используется там, где реалия значима для сюжетной ситуации и не может быть сведена к родовому слову. Масть лошади to'riq qashqa раскрыта как «гнедая с белой отметиной на лбу», dandon sopli pichoq — как «нож с ручкой из слоновой кости» [10, с. 67]. В обоих случаях описание необходимо, поскольку на этих деталях строится нарастающая нелепость рассказа героя, в котором каждая следующая беда вытекает из предыдущей. Калька (7 единиц) почти целиком используется при передаче антропонимов. Прозвища Asra kal, Juft kaptar, Malla jinni переведены по значению как «Асра-лысый», «Пара Голубей», «Рыжий» [10, с. 3–4], и переводчик тем самым сохраняет прозрачную внутреннюю форму прозвищ, очевидную для узбекского читателя.

Фразеологический слой передан более бережно. Из девяти фразеологических единиц выборки семь получили фразеологическое соответствие или аналог. Так, yetti pushtidan передано как «до седьмого колена» [10, с. 5], ko'chada zog' uchmaydi — как «даже ворона не пролетит» [10, с. 7], и лишь две единицы нейтрализованы или опущены. При замене узбекского оборота русским теряется прежде всего локальная привязка. Угроза onangizni Uchqo'rg'onda ko'rasiz [10, с. 65], буквально «увидите свою мать в Учкургане», передана выражением «вас ждёт самая настоящая взбучка» [4]. Экспрессия сохранена, топоним исчез. Иначе ведут себя междометия. Все четыре употребления междометия iyya в повести приходятся на эпизод с Сарыбаем [10, с. 67–69], и ни одно из них не сохранено как междометие. Переводчик заменяет их вопросительными репликами вроде «Что?!» или «Что-о?» либо передаёт растерянность бая заиканием [4].

Наиболее показательными для критики перевода являются случаи смыслового сдвига. В перечне ташкентских юродивых оригинал называет Xol parang jip-jinni [10, с. 4], где jip- представляет собой усилительный повтор (совершенно сумасшедший). В русском тексте этот признак отделён от имени и превращён в самостоятельное прозвище «Юродивый из Юродивых», вследствие чего список из девяти юродивых увеличился до десяти [3]. Другой пример связан с обрядом. Объясняя пожар свечой над покойником, герой в оригинале подробно описывает поверье. В чашу наливают воду и кладут ветку яблони; прилетевший дух садится на ветку, переводит дыхание и играет с пламенем свечи [10, с. 68]. Русский текст заменяет этот образ другим: на огонёк должна прилететь ночная бабочка, в которую войдёт дух покойника [4]. Этнографически точная деталь уступает место образу, понятному русскому читателю, но уже не узбекскому по происхождению. Наконец, в финале сцены оригинал сообщает лишь, что бай потерял сознание и упал [10, с. 69], тогда как в переводе он повалился на курпачу. Переводчик вводит реалию, которой нет в подлиннике, и компенсирует колорит, утраченный в других местах.

Компенсаторная стратегия отчётливее всего проявляется в обращениях (табл. 3).

Таблица 3

Обращения героя к Сарыбаю в оригинале и переводе

Форма обращения	**Оригинал**	**Перевод**
xo'jayin / хозяин	8	5
boy buva / бай-бува	1	2
бай-ата (в оригинале отсутствует)	0	8
Всего	**9**	**15**

В оригинале герой обращается к Сарыбаю девять раз: восемь раз — словом xo'jayin и лишь однажды — почтительно-ласковым boy buva, причём именно в момент торга [10, с. 65]. В русском тексте обращений пятнадцать. В пяти случаях xo'jayin передаётся как «хозяин», дважды употребляется «бай-бува», а восемь раз появляется форма «бай-ата», которой в узбекском тексте эпизода нет [4]. Переводчик не просто сохраняет обращения, но и насыщает ими диалог, создавая гибридную форму из узбекских элементов — своего рода

псевдореалию. С точки зрения читательского восприятия такое решение оправданно: речь батрака звучит подчёркнуто по-восточному. Однако с точки зрения верности подлиннику речевая характеристика героя меняется: у Гафура Гуляма она более сдержанная и деловитая. Обнаружить такую закономерность без подсчёта трудно, поскольку каждое отдельное обращение «бай-ата» выглядит в своём контексте вполне естественно.

Обобщая результаты, можно утверждать, что корпусный анализ позволил получить три типа данных, недоступных при выборочном чтении. Это частотная иерархия реалий подлинника, количественный профиль переводческих приёмов и перечень системных расхождений, к которым относятся орфографическая вариативность реалий, числовые несоответствия и добавленные формы обращения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволяет сделать ряд выводов. Электронный корпус в художественном переводе выполняет не одну, а несколько функций, каждая из которых связана с определённым этапом работы. Одноязычный корпус оригинала обеспечивает предпереводческий анализ и выявляет иерархию реалий. Референтный корпус языка перевода помогает выбрать соответствие и оценить степень его освоенности. Параллельный корпус служит средством контроля последовательности, а поливариантный открывает путь к сопоставительной критике переводов и обучению переводчиков.

На материале повести «Шум бола» установлено, что 31 культурно маркированная единица составляет 2,64 % словоупотреблений оригинала, а наиболее плотный тематический блок образуют титулы духовных лиц и обрядовая лексика. В параллельной выборке из 90 единиц ведущими способами передачи оказались транскрипция (26,7 %) и функциональный аналог (23,3 %). Генерализация сосредоточена в перечислительных рядах, фразеологизмы в большинстве случаев получили фразеологические соответствия, а междометия последовательно нейтрализуются. Выравнивание выявило и неочевидные решения, в том числе превращение атрибута в отдельное прозвище, замену обрядовой детали, добавление реалии «курпача», введение отсутствующей в оригинале формы обращения «бай-ата» и два однотипных числовых расхождения.

Перспективы исследования связаны с созданием поливариантного узбекско-русского корпуса повести, включающего оба русских перевода, морфологической разметкой узбекского текста и привлечением других произведений узбекской классики. Такой ресурс будет востребован в практике перевода, переводческой критике и преподавании русского языка в узбекской аудитории.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – Москва: Международные отношения, 1980. – 343 с. – URL: https://inter-rel.ru/en_book/archive/1980-2/the-untranslatable-in-translation.
2. Вохидов А. Параллельный подкорпус Национального корпуса русского языка как ресурс обучения узбекоязычных студентов // Вестник Кокандского университета. – 2026. – Вып. 18-С. – С. 50–54. – URL: https://herald.kokanduni.uz/index.php/public_html/article/download/1723/1448/2268.
3. Гулям Г. Озорник: повесть [Электронный ресурс] // LitLife. – URL: https://litlife.club/books/169160/read.
4. Гулям Г. Озорник: отрывок из повести [Электронный ресурс] // Ziyouz.uz. – URL: https://ziyouz.uz/ru/2012-09-02-11-30-00/41-2012-09-02-10-17-07/698-2012-09-07-11-26-12.
5. Добровольский Д. О. Корпус параллельных текстов в исследовании культурно-специфичной лексики // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2009. – С. 383–401. – URL: https://ruscorpora.ru/media/uploads/2022/04/21/r67.pdf.
6. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – Москва: Высшая школа, 1990. – 253 с. – URL: https://dispace.edu.nstu.ru/didesk/file/get/196857.
7. Нигматова Л. Х. Параллельные корпусы, как эффективный метод обучения иностранного языка // O‘zbek tilining milliy korpusi: muammo va vazifalar: xalqaro ilmiy-amaliy konferensiya materiallari. – Toshkent, 2022. – Vol. 1, № 01. – С. 103–108. – URL: https://uniwork.buxdu.uz/resurs/12536_1_C22177D5FBCC4F892009F294091741E666C16151.pdf.
8. Сичинава Д. В. Параллельные тексты в составе Национального корпуса русского языка: новые направления развития и результаты // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2016. – Вып. 6. – С. 194–235. – URL: https://ruslang.ru/doc/sitchinava/sitchinava-2015-parallel_corpus.pdf.
9. Baker M. Corpus Linguistics and Translation Studies: Implications and Applications // Text and Technology: In Honour of John Sinclair / ed. by M. Baker, G. Francis, E. Tognini-Bonelli. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1993. – P. 233–250. – URL: https://benjamins.com/online/tsb/link/18848.
10. G‘ulom G‘. Shum bola: qissa. – Toshkent: Yoshlar nashriyot uyi, 2018. – 192 b. – URL: https://uznel.natlib.uz:444/FN/dl_image/uload/userfiles/files/24_%20Shum%20bola.pdf.
11. Mikhailov M., Cooper R. Corpus Linguistics for Translation and Contrastive Studies: A Guide for Research. – London; New York: Routledge, 2016. – 233 p. – URL: https://www.routledge.com/Corpus-Linguistics-for-Translation-and-Contrastive-Studies-A-guide-for-research/Mikhailov-Cooper/p/book/9781138944046.
12. Olohan M. Introducing Corpora in Translation Studies. – London; New York: Routledge, 2004. – 220 p. – URL: https://www.taylorfrancis.com/books/9780203640005.
13. Salomov G‘. Tarjima nazariyasi asoslari. – Toshkent: O‘qituvchi, 1983. – 232 b.